

Ещё в трубке мобильного не раздался голос Полины, как я уже знал, что что-то случилось. Мы довольно часто переписывались через разные соцсети, предпочитая текст живому разговору. Как-то так повелось, что мобильник служил у нас тем «большим телефоном», которого до сих пор можно видеть на кораблях: он был средством связи, используемым только в самых острых ситуациях.

- Привет. Можешь приехать? Мой влип в историю.

«Мой» - это сын Лёня. Мы с Полей, моей первой «настоящей» девушкой, сокурсницей по педуниверсу, разошлись ещё даже до защиты диплома. Без всякого повода. Просто в какой-то момент обоим перестало тянуть друг к другу. Почти одновременно: Мы продолжали общаться, но общение это стало вдруг каким-то сухим, деловым. Не могу назвать причину этого. Новые пассии у нас обоих появились довольно скоро, но всё же лишь спустя какое-то время. Потом она вышла замуж и переехала, я женился. Затем оба брака распались один за другим. И всё это время мы продолжали переписываться по пустякам и иногда встречаться семьями (когда они у нас ещё были) .

- Да, конечно. Выезжаю. Жди.

Муж Полины загулял с иностранкой и, позабыв всё и про всех, уехал к ней в Доминиканскую Республику. «На Гваделупу», словами Полины. Тема бывшего в наших разговорах была строго закрыта, поэтому я мало что знаю.

Отношения с сыном-подростком предсказуемо испортились сразу после развода. Нет, он нисколько не винил мать, но характер его резко изменился в дурную сторону. Добрый отзывчивый мальчуган вдруг начал любить только себя и люто ненавидеть весь остальной мир. Он открыто призирает других людей независимо от степени знакомства с ними. Попытки Полины как-то повлиять на него всегда натывались на: «Я хорошо учусь. Что тебе ещё нужно?». Дело в том, что сперва в младших классах он отставал и родительское воспитание в трещавшей по швам семье тогда было зациклено на учёбе. Теперь же в школе он был на хорошем счету. Друзей там у него было мало - из числа тех, кто мог терпеть его высокомерие к себе за возможность всегда списать домашку.

Мы уселись на лавочке в уголке сквера и после дежурных «Как ты?» Полина, перемежая слова тяжкими вздохами, ввела меня в курс дела.

Лёня изнасиловал дочь лучшей подруги Полины - Надежды. Точная формулировка, которую я прояснил впоследствии, - совершил насильственные действия сексуального характера. Катя требует возмездия и намерена посадить его за это, если не будет иного полностью искупающего его вину наказания. Надеждой был тогда предложен вариант: «Выпороть, как следует?». «Нет, этого для него будет мало. Порки он не испугается.

Кастрировать. Или я его посажу!» - был дан на это ответ суровой девицей. Изобрести нечто промежуточное между этими двумя крайностями дамы так и не смогли.

- Хорошо, я уже понял, что тебе нужно от меня, Поля. Но, скажи, ты хочешь, чтобы он с моей помощью избежал наказания, которого заслужил, или же, наоборот, чтобы получил наказание, которого заслуживает? - остановил я Полину.

- Чтобы получил по полной. Понимаешь, ведь это могла быть и не дочь Надежды. Если его сейчас не остановить, то дальше он сделает что-нибудь вовсе непоправимое. Ты бы видел его

ухмылку: Да покалечь его, если нужно, - только бы был малейший толк - он заявил, что согласен на кастрацию, лишь бы не в тюрьму. Ты бы видел:

- Поль, давай закончим сейчас этот разговор. Мне, не откладывая, нужно переговорить со всеми вами. Но прежде расскажи, кто такая Надежда. Я о ней сейчас ничего не знаю, кроме того, что вы слишком близкие подруги.

Надежда работала поваром в том же частном лицее, где преподавала Полина. Телосложение дородной тётки гармонировало с традиционным клише настоящей поварихи. И она на самом деле умела готовить, как никто другой. Муж бросил их, когда Катерина была ещё младенцем. Со слов Полины развод был трагическим. Подробности, однако, я не стал выспрашивать. Полина и Надежда быстро сошлись не столько общими проблемами, сколько как притягивающиеся противоположности: сухую интеллигентную Полину прекрасно дополнила пышная простоватая Надежда. Союз их был прочным и уже довольно длительным. Но жили они порознь каждая со своим ребёнком, тщательно скрывая свою связь. «Мы просто иногда шалим вместе», - резюмировала это Полина.

- Звони ей.

Сперва я поговорил с Надеждой и Катериной. И вместе, и поврозь. Мне быстро удалось расположить их к себе. Возможно, этому способствовали рекомендации, наверняка данные Полиной. Я сразу обозначил свою роль палача в маске, которому нет никакого дела, кроме своих обязанностей.

Сразу же я прояснил для себя степень серьёзности ситуации. Лёня сделал множество селфи с места событий, заботливо удалил фотографии со всех своих устройств, сохранив их в сети, в укромном месте, которым редко пользовался. Он позабыл, что однажды пересылал Кате через эту сетевую папку большой файл и открыл тогда ей доступ. В свою очередь, Катерина, удаляя в сердцах все его контакты, нашла забытую ссылку с пометкой «Важно. Леонид», машинально открыв которую, ахнула. Она успела скопировать фотографии себе. Поэтому с доказательной базой было всё в порядке. Что именно сделал с ней Лёня, Катя предпочитала умолчать до суда, но оба подростка были уверены, что в результате он сядет и надолго.

Когда первое смущение прошло, Катя предстала предо мной властной, уверенной в себе молодой прокуроршей, беспощадной к врагам государства и общества. Я угадал: отличница собиралась поступать на юридический.

Полина заставила Лёню сходить на поклон к Кате молить о прощении и помиловании. Но был полный провал. После этого их разговора с глазу на глаз Катерина гремела громом и метала молнии. Фирменная ухмылка сделала своё чёрное дело.

Последним мой разговор состоялся с преступником. Мы раньше виделись с ним несколько раз, но последний давно, когда он был ещё ребёнком. Ни тени раскаяния, даже сожаления. Виноват, казните, только не в тюрьму. Лучше кастрация. Ухмылка.

Я сказал ему, что не вижу никакого раскаяния в содеянном и поэтому он не должен надеется, что его накажут один раз и этим всё кончится. Нет, наказание закончится только тогда, когда мы все сочтём, что он получил ровно столько, сколько заслуживает. Это заметно лишило его самообладания, но не надолго. Можем кастрировать его хоть каждый день. Ухмылка.

Казнь была назначена на завтрашний субботний вечер. Я уехал домой, несмотря на говорящие взгляды Полины. Сослался, что нужно привести в порядок кое-какие дела, чтобы полностью освободиться на все выходные.

На следующий вечер собрание заседало в гостиной у Полины. Все были угрюмы и одеты буднично, за исключением Кати. В ослепительно белом платье-тунике с изящным пояском она казалась прекрасной нимфой из древней сказки. На столе, за которым расположились взрослые дамы, стоял чай и блюдо домашних сладостей. Под столом валялась сумка, которую я набил до отказа всем, что только могло мне потребоваться в подобной ситуации. В центре комнаты я поставил широкую мягкую подставку для ног. Катерина и я, отказавшись от чая, присели на диван. Пока мы сустились, виновник торжества стоял спиной к нам у окна, заведя руки назад подобно арестанту.

- Подойди, - сказал я ему, когда все уселись.